

Борьба съ антихристомъ подъ городомъ Тираполемъ ¹⁾.

Наступили моменты приведенія распоряженій власти о перенеси въ исполненіе, и Виталии пришлось, вмѣстѣ со своими скитницами, выдержать первый реальный напоръ антихриста на ихъ общину. Появился въ Плавняхъ 22 или 23 января счетчикъ Смолѣвъ вмѣстѣ съ сотскимъ Буртней и направилсь въ усадьбу Александры Ковалевой. Эти моменты Смолѣвъ изображаетъ въ своемъ показаніи слѣдующимъ образомъ: „Когда я поѣхалъ въ усадьбу и вмѣстѣ съ сотскимъ вошелъ въ сѣнцы, въ полуоткрытую дверь просунулась голова Ковалевой, сейчасъ же скрылась и черезъ нѣсколько секундъ Ковалева вынесла мнѣ въ сѣнцы четвертушку бумаги, исписанную церковно-славянекимъ шрифтомъ. Въ ней говорилось, что переписи признавать не слѣдуетъ, а равно не нужны и паспорта“.

По литературному слогу записки можно было подумать, что ее писалъ довольно образованный человекъ. Прочтя, въ присутствіи Ковалевой и вошедшаго въ сѣни Ѳодора Ковалева, Высочайшій Указъ о переписи, я разъяснилъ значеніе и цѣль таковой, и пояснилъ, что явился въ качествѣ счетчика. Александра Ковалева сказала, что не будетъ давать никакихъ свѣдѣній для переписи, а глухонѣмой ея сынъ Дмитрій выбѣжалъ куда-то изъ своей кельи, заваленной кукурузными кочанами, и сейчасъ же изъ скита вышло нѣсколько монашекъ, вѣроятно изъ любопытства. Когда Александра Ковалева передавала мнѣ исписанную четвертушку бумаги, Ѳодоръ Ковалевъ спросилъ, зачѣмъ она даетъ эту бумагу, на что Ковалева отвѣтила, махнувши

¹⁾ См. „Русская Стар.“, май 1913 г.

рукой: „пустъ“. Повидимому, Ковалева рассчитывала, что я возвращу бумажку, потому, что когда я спряталъ ее въ карманъ, удивилась и спросила: „Развѣ она вамъ нужна?“ Послѣ того я уѣхалъ и представилъ бумажку завѣдующему переписнымъ участкомъ земскому начальнику Баеру. Черезъ два дня я вновь поѣхалъ въ усадьбу Ковалевой вмѣстѣ съ приставомъ 4 стана Дмитриевымъ. Заходя во всѣ хаты и кельи, мы насчитали всего 18 человекъ, но не припомню теперь, вошли-ли въ это число сама Ковалева и сыновья ея Дмитрій и Ѳедоръ. Когда мы съ приставомъ вошли въ скитъ, гдѣ находилась Виталія и монашки, то Виталія, указывая на насъ, обращаясь къ монашенкамъ замѣтила: „Вотъ когда печать антихриста явилась“. Черезъ день я вновь ѣздилъ въ усадьбу Ковалевой съ приставомъ и земскимъ начальникомъ Баеромъ. Ковалевы собрались во дворъ, и земскій начальникъ сталъ имъ объяснять цѣль переписи и убѣждалъ дать личныя свѣдѣнія о своей личности. Собравшіеся отказались дать о себѣ свѣдѣнія. Возражала Баеру текстами изъ Св. Писанія и называла перепись дѣломъ антихриста Виталія, а монашки утверждали, что онѣ христіане, рабы Божіи, какъ иноки, именъ никакихъ не имѣютъ, а на предложеніе назвать свои прежнія имена, до принятія монашества, отвѣтили отказомъ. Желая убѣдить Виталію, земскій начальникъ привелъ текстъ изъ Священнаго Писанія, что „Кесарево Кесареви, а Божье Богови“, на что Виталія замѣтила, что онѣ не претендуютъ на насъ за наше настойчивое желаніе внести ихъ въ перепись, знаютъ, что намъ приказано записать ихъ, но что мы слуги антихриста. Въ день переписи, 28 января, я съ сотскимъ вновь пріѣхали въ усадьбу Александры Ковалевой, но застали въ усадьбѣ только Александру и двухъ сыновей ея, всѣ же остальные куда-то ушли или скрылись. Ковалевы и на этотъ разъ отказались дать какія-либо свѣдѣнія о своей личности, и я внесъ въ списки Александру, ея сыновей и отсутствовавшую жену Ѳедора на основаніи справокъ, добытыхъ у сосѣдей. Черезъ день или два Ковалева и монашки были арестованы по обвиненію въ бродяжествѣ. Когда пріѣзжалъ Баеръ, и Ковалевы отказались дать свѣдѣнія о личности, то Баеръ приказалъ отвести проживающихъ у Ковалевыхъ неизвѣстныхъ монашекъ, въ томъ числѣ и Виталію, въ Терновку для удостовѣренія личности, но ихъ никто не призналъ и онѣ тотчасъ же возвратились.

Показаніе счетчика Смогѣева въ соответствующихъ частяхъ нашло подтвержденіе показанія хъ: сотника Буртни, земскаго

начальника Баера и мѣстнаго пристава Дмитріева. Изъ нихъ Дмитріевъ добавилъ, что раньше въ усадьбѣ Ковалевой онъ не бывалъ и о проживавшихъ тамъ монахахъ и монашкахъ не зналъ. При посѣщеніи скита вышедшая къ нему Александра Ковалева, старикъ монахъ и четыре монашки „ничего не говорили, а только крестились и произносили шопотомъ какія-то молитвы“. Спустя четыре дня свидѣтель вновь пріѣхалъ въ усадьбу Ковалевой, на сей разъ съ цѣлью потребовать отъ проживающихъ въ этой усадьбѣ лицъ паспортовъ, и установить ихъ личность полицейскими мѣрами. Монашки по-прежнему твердили, что онѣ „Христовы люди“. Въ усадьбѣ Ковалевой на этотъ разъ оказалось гораздо меньше людей, чѣмъ было до переписи, остальные, вѣроятно, ушли куда-нибудь или скрылись. До переписи ихъ было, кажется, 18 человекъ, включая въ это число Александру Ковалеву и ея сыновей. Я арестовалъ трехъ монашекъ, Виталию, Ульяну Ковалеву и старика-монаха и передалъ ихъ въ распоряженіе судебного слѣдователя, какъ бродягъ. Впослѣдствіи личность Ульяны Ковалевой была установлена въ тюрьмѣ, кажется, Сибилевымъ. По распоряженію слѣдователя арестованные были заключены въ тюрьму, но перестали принимать пищу. Во избѣжаніе голодной смерти — 9 февраля ихъ освободили и прислали ко мнѣ, для водворенія на мѣстѣ, съ учрежденіемъ за ними полицейской охраны. Вслѣдствіе этого арестованные, въ числѣ 6 человекъ, были мною отосланы въ Плавни въ усадьбу Ковалевой, помѣщены въ большой кельѣ, и къ нимъ приставлено для наблюденія 2 человекъ десятскихъ изъ Терновки. Арестованные не были подъ замкомъ и пользовались относительной свободой, ходили, молились.

Переданная Александрю Ковалевою счетчику записка была осмотрѣна судебнымъ слѣдователемъ, при чемъ оказалось: записка эта писана на полулистѣ бѣлой бумаги, рукописно, церковно-славянскимъ шрифтомъ. Чернила и бумага совершенно свѣжаго вида. Сверху буквы съ титлами: Г. І. Х. С. Б. М. Г. текстъ шифра слѣдующій: „Мы христіане, намъ нельзя никакого новаго дѣла принимать, и мы не согласны по новому записывать свое имя и отчество: намъ Христось за все есть: и отчество, и честь, и имя. А вашъ новый уставъ и метрики отчуждаютъ насъ отъ Христа и отъ истинныя христіанскія вѣры и приводятъ въ самоотверженіе отечества; а наше отчество Христось. Намъ Господь глаголетъ во Святомъ Евангеліи своемъ: „Рече Господь своимъ ученикомъ: всякъ убо, иже исповѣсть мя предъ человекъ, исповѣмъ его и Азъ предъ Отцомъ Моимъ,

яже на небесѣхъ; а яже отвержется мене предъ чловѣки, отвергуся его и Авъ предъ Отцомъ Моимъ, яже на небесѣхъ". Посему отвѣщаемъ мы вамъ вкратцѣ, окончательно, что мы отъ истиннаго Господа нашего Иисуса Христа отверженія не хотимъ и отъ православныя вѣры, и отъ святыхъ, соборныхъ и апостольскихія церкви отступить не желаемъ. И что Святые отцы со Святыми Соборами приняли, то и мы принимаемъ, а что Святые отцы и Святые Апостолы проклинали и отрицали, то и мы проклинаемъ и отрицаемъ. А вашимъ новымъ законамъ повиноваться никогда не можемъ; пожелаемъ паче за Христа умерети⁴.

4 февраля задержанные (5 женщинъ и одинъ мужчина), бывъ препровождены къ судебному слѣдователю и привлеченные въ качествѣ обвиняемыхъ въ бродяжничество, на допросѣ у судебного слѣдователя, также отказались сообщить свѣдѣнія о своей самоличности, при чемъ женщины повторяли только, что онѣ христіанки, „Христовы инокини“, и что религіозныя ихъ убѣжденія запрещаютъ имъ говорить, кто онѣ. При нихъ были найдены рукописи, изъ содержанія которыхъ можно заключить, что задержанные принадлежатъ къ какой-то сектѣ, по всей вѣроятности, бѣгуновъ. 7 февраля судебный слѣдователь прибылъ, вмѣстѣ съ врачомъ, въ Тираспольскую тюрьму, куда были заключены задержанные съ тѣмъ, чтобы подвергнуть ихъ освидѣтельствуванію. Мужчина былъ освидѣтельствованъ, женщины же отказались подвергаться освидѣтельствуванію, утверждая, что для нихъ обнажить свое тѣло великій грѣхъ и что онѣ скорѣе согласятся умереть, чѣмъ подвергнуться освидѣтельствуванію.

9 февраля, при посѣщеніи участковымъ товарищемъ прокурора тюрьмы, начальникъ послѣдней заявилъ, что всѣ задержанные отказываются принимать пищу, которая готовится въ тюрьмѣ, и что, когда онъ предложилъ выдавать имъ кормовыя деньги на руки, то они отказались и отъ этого, при чемъ стали даже готовиться къ смерти. Дѣйствительно, нѣкоторые изъ нихъ были уже крайне истощены, въ виду этого, товарищъ прокурора, опасаясь смерти ихъ отъ голода, предложилъ судебному слѣдователю отдать всѣхъ упомянутыхъ лицъ подъ домашній арестъ по мѣсту жительства ихъ въ с. Терновкѣ. Въ тотъ же день личность одной изъ задержанныхъ была удостовѣрена, и она оказалась мѣщанкой Ульяной Ковалевой, дочерью той самой Александры Ковалевой, въ домѣ которой всѣ они были задержаны, хотя родная мать ея отказывалась признать въ ней свою дочь.

Значеніе этой записки несомнѣнно; въ ней съ полной опредѣленностью отражается та точка зрѣнія, на которую, по отношенію къ переписи, стала Виталія и руководимые ею скитяне, но, къ сожалѣнію, эта записка не оправдала и не могла оправдать возлагавшихся на нее авторами ея надеждъ. Обитатели скита, совмѣстно съ Виталіей, упустили изъ виду, что, благодаря ихъ отношенію къ дѣлу, обнаружались законные признаки преступленія бродяжества, довольно своеобразно очерченные нашимъ уголовнымъ закономъ. Оказалось, что задержанные живутъ безъ паспортовъ и не имѣютъ средствъ или не желаютъ выяснитъ передъ властью свою самоличность. Иначе говоря, дѣло вышло изъ вѣдѣнія полицейской власти по производству переписи и перешло къ органамъ судебной власти по обвиненію задержанныхъ въ бродяжествѣ (ст. 950 Улож. о нак.).

Означенныя дѣйствія власти не только не содѣйствовали выясненію положенія скитянъ, а тѣмъ болѣе не умиротворили остроту переживавшагося момента, но, наоборотъ, роковымъ образомъ привели къ ряду насильственныхъ смертей среди обитателей Плавень, которые были иѣмы къ воспріятію языка закона. До какого ужаснаго душевнаго состоянія дошли заключенные въ тюрьмѣ, видно въ особенности изъ показанія начальника тюрьмы Кривенко, вмѣщающаго въ себѣ не мало цѣнныхъ данныхъ. Онъ показалъ, что 4-го или 5 февраля въ завѣдуемую имъ тюрьму были доставлены шесть человѣкъ (5 женщинъ и 1 мужчина), обвиняемыхъ въ бродяжничествѣ монаховъ. Среди монашекъ особенно выдѣлялась одна, по слогу, манерамъ и благороднымъ чертамъ лица. Остальныя монашки имѣли видъ тупоумныхъ. Доставленные были сейчасъ же переодѣты въ арестантскую одежду; свидѣтель подробно записалъ примѣты каждой и объявилъ №, подъ которымъ каждая занесена была въ книгу, чтобы знать, кого вызывать въ контору въ случаѣ надобности. Въ числѣ взятой у каждой изъ арестованныхъ одежды у каждой монашки, а равно и у монаха, найдены были особыя разрѣшительныя молитвы, при чемъ молитва, взятая у монашки, оказавшейся впоследствии Виталіей, была написана на раскрашенномъ листѣ бумаги. Кривенко спрашивалъ арестованныхъ про эти молитвы и узналъ, что съ этими молитвами они должны быть погребены въ случаѣ смерти. Доставленныя монашки помѣщены были въ тюрьмѣ всѣ вмѣстѣ въ отдѣльную камеру. Онѣ отказались принимать пищу, такъ же отказался и старикъ-монахъ. Свидѣтель предложилъ покушать имъ пищу на ихъ кормовыя деньги, но всѣ отказались,

говорили, что казна не обязана ихъ кормить, что онѣ никакой пользы казнѣ не приносятъ, что не пришло еще время ѣсть, а на вопросъ мой—когда же это время прійдетъ, отвѣтили, что они и сами этого не знаютъ. На увѣщанія назвать свои имена—монашки отвѣчали, что онѣ христіанки, рабы Божіи, а на вопросъ—есть ли среди нихъ замужнія—сказали, что „намъ нельзя, мы невѣсты Спасителя“. На разспросы, признаютъ ли онѣ поповъ и священство—монашки отвѣчали, что раньше признавали, а теперь нѣтъ, ибо теперешніе попы „Пишутся“. Всѣ монашки очень тяготились тюремнымъ заключеніемъ и со слезами просили освободить ихъ. Дня черезъ 2—3 послѣ ареста монашекъ, въ контору тюрьмы, явился судебный слѣдователь съ городовымъ врачомъ для освидѣтельствованія арестованныхъ. Монашка, оказавшаяся Виталіей, заявила, что по ихъ вѣроученію имъ никогда нельзя обнажать своего тѣла даже передъ женщиной, что онѣ не моются и въ баню не могутъ ходить, что лучше пусть ихъ закопаютъ въ землю живыми, зарѣжутъ или повѣсятъ, но освидѣтельствовать ихъ онѣ не позволяютъ. Виталія поясняла неоднократно, что кто это сдѣлаетъ, т.-е. освидѣтельствуетъ ихъ, тотъ приметъ большой грѣхъ на душу. Монашки и монахъ продолжали отказываться отъ пищи и 9 февраля всѣ были освобождены по распоряженію судебного слѣдователя. Личность одной изъ монашекъ Ульяны Ковалевой—была удостовѣрена въ тюрьмѣ нѣкимъ Сибилымъ. Дня за два до освобожденія арестованныхъ въ тюремную контору была вызвана въ числѣ другихъ и Александра Ковалева, ибо были слухи, что Ульяна ея дочь. При видѣ Ульяны, Александра Ковалева прослезилась, но отказалась признать въ ней свою дочь, и заявила, что предъявленной ей монашки не знаетъ.

Переданный свидѣтелемъ Кривенко фактъ отрицанія матерью своей дочери и дочерью своей матери можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ того, какъ велика была сила фанатизма, вѣдреннаго Виталіей въ сердца своихъ сподвижницъ. Для того, чтобы опредѣлить настоящее значеніе этого факта, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что высказанная ложь шла отъ людей богобоязненныхъ, нравственныхъ и неумѣвшихъ въ жизни входить въ сдѣлки со своей совѣстью. Онѣ очень хорошо знали, что ложь есть грѣхъ, и тѣмъ не менѣе лгали, отрицая свое близкое родство только потому, что этого требовали интересы борьбы съ антихристомъ, и, что только ложью, по ихъ мнѣнію, можно было защитить себя отъ насильственнаго внесенія въ списки слугъ воцарившагося антихриста.

По показанію Кривенко доставленъ былъ въ тюрьму (по обнаруженію первой группы закопавшихся) и арестованный Ѳедоръ Ковалевъ, въ монашескомъ одѣяніи. Его сейчасъ же переодѣли, остригли длинные волосы, при чемъ онъ не протестовалъ. Сестра его Горзина приносила ему раза два воды и пищу, при чемъ въ первый ея приходъ Ковалевъ не видѣлъ, что именно она принесла, а не кто-либо другой, и потому, и на этотъ разъ, отказался ѣсть. Исподоволь и понемногу, отчасти подѣ влияніемъ моихъ увѣщаній, Ковалевъ сталъ пить воду, а затѣмъ и есть общую пищу. Сперва принималъ онъ подаваніе, когда таковое приносили, потомъ ѣлъ пищу съ базара и, наконецъ, началъ ѣсть все то, что готовится въ тюрьмѣ для прочихъ арестантовъ. Первый день своего ареста Ковалевъ содержался вмѣстѣ съ прочими заключенными, но просилъ перевести его въ другую отдѣльную камеру, что я на слѣдующій день и исполнилъ. Въ виду исключительной важности дѣла, я счелъ для себя обязательнымъ слѣдить за Ковалевымъ, часто вызывалъ его въ контору и бесѣдовалъ. По блуждающимъ его глазамъ, не выдерживающимъ упорнаго взгляда, я заключилъ, что Ковалевъ не сказалъ слѣдователю всей правды и многое скрывалъ. Поэтому, бесѣдуя съ Ковалевымъ, я совѣтовалъ ему сознаться во всемъ и говорилъ, что это въ значительной мѣрѣ облегчитъ его участь. Начальникъ тюрьмы Кривенко добавилъ къ сказанному одну частность, явственно свидѣтельствующую о той силѣ вліянія, которое имѣла Виталія на руководимыхъ ею лицъ. „Когда, говоритъ онъ, въ день своего освобожденія, Виталія узнала отъ меня, что старикъ-монахъ не устоялъ противъ голода и наканунѣ въ тюрьмѣ съѣлъ два апельсина, то такъ строго взглянула на старика, что тотъ упалъ на землю и зарыдалъ“.

Освобожденіе заключенныхъ изъ-подъ стражи, по предложенію товарища прокурора, и отправленіе ихъ въ Плавни подѣ надзоръ.

Единственнымъ лицомъ ея паствы, не уничтожавшимся предъ нею, Виталіей, была молодая, проживавшая съ ней монашка, именовавшаяся Пелагеей младшею (Матвѣева). Изъ показанія Ѳ. Ковалева видно, что она „была особенно близка къ Виталіи, другъ безъ друга онѣ не могли дохнуть, сообща обсуждали и рѣшали разные религіозные вопросы“. Къ сожалѣнію, предварительное слѣдствіе не собрало достаточныхъ данныхъ для выясненія той роли, которую сыграла она въ Тираспольскомъ преступленіи, на основаніи же частныхъ свѣдѣній, поя-

вившихся въ печати, сложилось предположеніе, что нравственная отвѣтственность за совершившееся должна быть распредѣлена между Пелагеей младшей и Виталіей. Въ дѣлѣ имѣется, однако, письмо, написанное Пелагеей ея брату, и которое до нѣкоторой степени выясняетъ предъ нами эту искреннюю и, вѣроятно, восторженную дѣвушку. Письмо это приобщено къ дѣлу въ качествѣ вещественнаго доказательства и производитъ впечатлѣніе той живой непосредственности и безыскусственности, которыя характеризуютъ его. Здѣсь чувствуется еще близкая связь автора письма съ темными интересами ея родныхъ; здѣсь и проявленіе юнаго воображенія, сосредоточивавшагося на „золотомъ садѣ“, въ которомъ будетъ гулять ея крестница, если будетъ пѣть по ея совѣту „Богородице Дѣво, радуйся“; но рядомъ съ этимъ господствуетъ мысль о Богѣ, заботы о спасеніи души и стремленіе обратить молитвы близкихъ ей людей къ милости Божіей ¹⁾).

В. Случевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Изъ протокола осмотра судебного слѣдователя видно, что письмо это написано церковно-славянскимъ шрифтомъ, на четвертушкѣ бѣлой бумаги, сложенной вдвое. Бумага пожелтѣлая отъ времени. Время написанія письма и мѣсто, откуда таковое послано, не обозначены. Содержаніе письма нижеслѣдующее: „Г. І. Х. С. Б. П. Н. Аминь. Заутра услыши Гласъ мой, Царю мой Боже мой. Дражайшимъ и милымъ нашимъ и незабвеннымъ—любезному нашему брату Поликашѣ и съ супругой и милымъ вашимъ дѣточкамъ—Ванѣ и крестницѣ Полюшкѣ и Афросинѣ, помощью Божіей желаемъ вамъ о Господѣ радоваться и душу спасти и здоровыми быть и въ дѣлахъ вашихъ скорого и счастливаго успѣха. При семъ со смиреніемъ и усердно вамъ кланяемся, извѣщаемъ вамъ—получили мы ваше письмо и рубль денегъ и со слезами васъ благодаримъ. Милый ты нашъ братецъ, спаси васъ Христосъ за Твое всеусердное соболѣзнованіе, Помози Тебѣ Господи во всѣхъ твоихъ трудахъ и даруй тебѣ Господи получить стократное воздаяніе на семъ свѣтѣ и душу спасти, и въ будущемъ вѣцѣ наследовать Царствіе Небесное, а что ты пишешь милый братецъ, чтобы мы ѣхали на свою сторону, то со слѣзами тебѣ благодаримъ, Спаси Тебя Христосъ за твое душевное усердіе и да наставитъ и научитъ Тебя самъ Господь во спасеніе, милый братецъ, хотя ты и въ трудѣхъ и въ хлопотахъ, а все призывай Бога на помощь, хотъ умою прибѣгай къ нему, и проси отъ него милости, и во всѣхъ дѣлахъ уповай на милость Божію, а безъ мѣры не сокрушайся о житейскихъ недостаткахъ, только“.